

Кто я?

В течение всей жизни мы поразительно меняемся. С физической точки зрения мы начинаемся с крохотного тела с упругой кожей и ангельскими глазками, но через всего-навсего 50-60 лет мы стареем, наше тело становится слабее и болезненнее, а кожа обвисает. Помимо этого, в течение всей нашей жизни, миллиарды наших клеток обновляются, а память играет с нами злую шутку. В 20 лет мы не вспомним, что так беспокоило нас пятилетних, а в 90 мы смутно сможем понять, почему же совершали те или иные поступки в молодости.

Мы носим одно и то же имя на протяжении всей нашей жизни и считаем себя относительно стабильным единым целым, но возможно ли думать о себе как об одном и том же человеке? Если взглянуть на это через философский микроскоп, вопрос личной идентичности оказывается гораздо сложнее, чем казался на первый взгляд. Так каким образом мы можем говорить о нашем постоянстве в ходе времени? Где гарантии того, что мы спокойно можем считать себя теми же людьми на протяжении всей жизни, и в каком месте располагается эта личная идентичность? Стандартное предположение заключается в том, что наше физическое тело обеспечивает личную идентичность. Эта теория утверждает, что основное, что делает меня мной – это то, что я нахожусь в одном и том же теле. Но философы обычно уходят немного в сторону от такого предположения. Представьте, если бы вы потеряли все свои волосы. Остались ли бы вы собой? «Да, конечно». А что, если бы вы лишились пальца на руке? «Да». Ноги? «Определенно». А что, если бы появился злой демон и сказал, что вы должны утратить все части своего тела, но можете сохранить лишь одну, что бы это было? Мало кто из нас оставит локоть или пупок. Почти все выберут мозг. И это о многом нам говорит. Мы неосознанно считаем некоторые части наших тел наиболее соответствующими личности, а самое соответствующее из них – наш мозг. У христианства своя версия этого мысленного эксперимента. Оно обращается к

нам с мыслью о том, что происходит с нами после смерти и рисует картину гибели брэнного тела и вечную жизнь наиболее драгоценной частице – душе.

Еще один вариант упомянутого эксперимента могут провести два любящих человека в начале отношений, если лёжа в кровати спросят друг друга: «Что тебя привлекает во мне больше всего?» Неправильно будет ответить: «Твоя шикарная грудь» или «Твои мускулистые руки». Ведь грудь или руки не настолько отождествляются с личностью, чтобы считаться приличным ответом. Мы хотим, чтобы нас любили за нечто большее. Например, за нашу душу и мозг.

Если рассматривать мозг как отождествление нашей личности, то в какой же части мозга нам следует искать наше «Я»? Если я сильно ударюсь головой и утрачу возможность играть в волейбол, останусь ли я собой? Большинство из нас ответит: «Да, конечно». А что, если я когда-то владел латинским языком, а теперь нет? Или забыл, как готовить любимое блюдо? Без этих знаний и навыков мы все равно остаёмся собой.

Как насчёт других проявлений памяти? Большая часть, которая делает меня мной – это мои воспоминания. Я помню столик, за которым играла в детстве, парня, который покори́л меня в средних классах, закат на море. Но что, если эти воспоминания исчезнут? Могу ли я по-прежнему быть собой? Согласно одному из мнений – возможно, пока сохраняется то, что мы называем характером. Иначе говоря, если мои эмоции, реакции на различные ситуации, моё поведение с другими людьми остаётся прежним, то я могу утверждать, что на каком-то базовом уровне я осталась такой же, как и раньше. Моё хранилище воспоминаний, чувства или манеры, могут исчезнуть, но я точно продолжу чувствовать и вести себя похожим образом в будущем. Да, окружающим придётся напоминать мне о многом, но они будут признавать меня мной.

И тут возникает потрясающая идея. Личная идентичность, по всей видимости, не связана с физическим существованием. Меня могут поместить в тело робота, но я все равно смогу доказать, что я – это я. Также она не

связана и с нашей памятью, так как я могу забыть всё и продолжать быть той, кто я есть. Главное – это сохранность того, что мы называем характером. Эта идея приписывается английскому философу Джону Локку, автору знаменитых строк, гласящих, что личная идентичность состоит из однообразия сознания.

Если уже знакомый нам демон предложит выбрать между тем, чтобы все помнить, но чувствовать и ценить совсем по-другому и тем, чтобы оставить чувства и ценности, но забыть все остальное, большинство из нас, по мнению Локка, выберет последнее. Таким образом, наша личность сводится к нашим ценностям, пристрастиям и темпераменту.

Давайте в свете этого всего подумаем о смерти. Смерть часто ассоциируется у людей с печалью, поскольку означает конец нашей идентичности. Это бы означало конец, если бы мы определяли нашу идентичность с физическими качествами или сохранностью памяти. Но если считать, что нас по большому счету определяют наши ценности и характерные для нас привлекательные и отвратительные вещи, то мы в некотором смысле наделены бессмертием. Как минимум, потому что эти вещи продолжают жить в рамках нашего вида в целом.

Возможно то, что мы привыкли называть личностью – это лишь временная обитель временных идей и предпочтений, которые намного старше и обречены жить намного дольше, чем наши дела. Мы можем попробовать меньше грустить о смерти, отказавшись от идеи, что мы являемся определенной совокупностью физических особенностей. Мы – это наши идеи, которые более живучи и продолжают появляться и жить там, где появятся те самые, наиболее характерные для нас смыслы.

Когда мы больше концентрируемся на нашей личности, а не на нашем теле, мы больше задумываемся о существенных и вечных вещах, воспитываем себя, свой характер, свои мысли и идеи, которые передадутся поколениям. Возможно это и есть смысл нашего существования?

Безумный Шляпник